

---

## ПО ЯПОНИИ

(записки миссионера) <sup>1)</sup>.

### Поромуйскій патриархъ.

31—19 августа. Въ восемь часовъ утра, простившись съ гостеприимными хозяевами, мы съ о. Николаемъ отправились изъ Саппоро на востокъ. Ъхать было недалеко, всего 40 минутъ по желѣзной дорогѣ, до станціи Ебѣцу. Не успѣли мы сойти на платформу и отдать свои билеты, какъ къ намъ подошли трое крестьянъ, всѣ молодые, съ славными, простыми лицами. Низко наклонившись, они приняли отъ насъ обоихъ благословеніе. Это были христіане изъ мѣстечка Поромуй (или Хоромуй, какъ произносятъ это айноское названіе японцы) куда мы и направились. Они привели для насъ лошадей, достали и сѣдла: для меня англійское, отецъ же Николай долженъ былъ возвышаться на грузовомъ сѣдлѣ, цѣлой пирамидой поднимающемся надъ лошадью. Сѣдло это, впрочемъ, было не безъ удобствъ; сидѣть на немъ—покойно, можно и ноги свѣсить на самую шею лошади. Одна бѣда: падать съ такого сѣдла довольно высоко, а устойчивости въ немъ мало. Василій, Никита и третій ихъ товарищъ накупили въ лавочкѣ разныхъ угощениій, въ виду нашего пріѣзда, и все разстояніе (около 11 верстъ) прошли пѣшкомъ, указывая намъ дорогу, а при случаѣ и погоняя лошадей, когда послѣднія почему-нибудь считали для себя необязательнымъ слушаться насъ.

Дорога идетъ все равниной, крайне болотистой, поросшей высочайшей травой, иной разъ даже всадишь совѣмъ

---

<sup>1)</sup> Продолженіе См Богосл Вѣст, сентябрь, стр 135—162

скрывается въ этой травѣ. Ъхали мы, конечно, шагомъ, разговаривая съ нашими погонщиками, особенно Василій не уставая сообщать симпу все, что у нихъ случилось замѣчательнаго. То и дѣло лошади спотыкались въ яму или вязли въ трясинѣ; тогда наши погонщики какъ-то странно, точно чайки, выкрикивали: „А...а...“ ободряя ихъ. Принималъ участіе въ этомъ своеобразномъ концертѣ и о. Николай, только его „а“ гудѣло совершеннымъ „у“ на низкихъ нотахъ. „А...а“, крикнуть Василій съ Никитой, — „у...у...“ откликается позади меня отецъ Николай; такъ и ѣхали до самыхъ христіанскихъ домовъ.

Чтобы осушить болото, во многихъ мѣстахъ прорыты канавы, есть даже цѣлый каналъ, по которому ходятъ небольшія барки съ грузомъ. Очевидно, каждая пядь сухой земли не даромъ дается здѣшнему земледѣльцу. Мы проѣхали, почти проплыли по болотамъ чрезъ лѣсъ и потомъ скоро повернули на проселокъ между пашнями. Стали то и дѣло попадаться кое-какъ на скорую руку построенныя хижины поселенцевъ, соломенные крыши, соломенные стѣны, кое-какъ сбитый дворъ. Но вездѣ уже есть приспособленія для искусственнаго орошенія. Растетъ кукуруза, гречиха, но проса такого я положительно нигдѣ не видалъ: высотой почти съ кукурузу. Мы ѣхали уже селеніемъ Поромуй, хотя съ непривычки, его можно и не разсмотрѣть: дома безъ всякаго порядка разсыпаны по отдѣльнымъ участкамъ земли, только и есть сообщенія, что проселокъ, который извивается по межамъ. На одномъ изъ поворотовъ дороги небольшая площадка. На ней буддійская часовенка, совѣмъ игрушечная, миниатюрная, по сторонамъ ея на высочайшихъ шестахъ развѣваются длинныя флаги. Здѣсь недавно было собраніе. Пріѣзжалъ изъ Сапоро бонза и подрядъ нѣсколько дней говорить проповѣди. Поводомъ послужилъ все тотъ же „бонъ“.

Скоро мы пришли и къ дому христіанина Евгенія Сабанай. Онъ также стоитъ отдѣльнымъ дворомъ на своемъ участкѣ: нѣсколько хатъ, кладовыхъ, навѣсовъ для скота собрались хуторомъ съ неизмѣннымъ колодцемъ, прудомъ и цвѣтникомъ. Все это также носитъ характеръ временности, все это построено только для перваго раза, чтобы какъ-нибудь прикрыться отъ непогоды и холода, пока земля

не вознаграждать затраты и труды. Намъ сейчасъ же встрѣтила вся многочисленная семья Евгенія. пошли поклоны, привѣтствія, хотя еще не вполне по формѣ, а только такъ, предварительно,—главное—въ засѣки, въ парадной комнатѣ, куда намъ тотчасъ же и провели. Комната была устлана самыми лучшими гоза (циновками), выплетенными изъ разноцвѣтной соломы самымъ затѣйливымъ рисункомъ. Такихъ гоза въ Хоккайдо не достать, онѣ вывезены изъ старой Японіи и посланы только ради сегодняшняго торжественнаго случая. Впереди въ прекрасной кіотѣ большая икона Божіей Матери, писанная масляными красками, очевидно, заказанная на свой счетъ. Во всю стѣну полка съ духовными книгами, есть почти все изданія нашей миссіи, кромѣ того немало и протестантскихъ. По всему видно, что домъ хорошій. Скоро пришелъ въ хабри (парадная одежда) и самъ Евгеній, почтенный старикъ, еще довольно бодрый на видъ; за нимъ одинъ за другимъ подошли къ благословенію и все, бывшіе въ домѣ. За остальными сейчасъ же послали.

Евгеній своего рода здѣшній патриархъ: изъ восьми домовъ христіанскихъ, которые въ настоящее время существуютъ въ Поромуй, шесть или зятя, или дѣти Евгенія, седьмой—его младшій братъ и только восьмой не родственникъ, хотя и землякъ. Все они переселились сюда изъ старой церкви Вакуя (въ сѣверовосточной части главнаго острова, гдѣ наиболѣе густо расположены наши церкви) и заняли земли недалеко одинъ отъ другаго. Самъ Евгеній теперь „инкѳо“, т. е. на покоѣ, хозяйствомъ и пр. править сынъ его Ириней, уже довольно пожилой человекъ, имѣющій внуковъ. Евгеній же является только духовнымъ главой этой маленькой церкви. Постоянно выписывая книги, старательно прочитывая ихъ, онъ прекрасно знаетъ ученіе, и имѣетъ ревность распространять его между своими односельчанами и вообще всеми, съ кѣмъ приходится ему завести знакомство. Его здѣсь такъ и зовутъ христіанскимъ бонзой,—названіе, котораго онъ стыдиться не думаетъ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ (когда не гнететъ слишкомъ работа въ полѣ) все христіане собираются въ этомъ домѣ; старикъ совершаетъ Богослуженіе и говоритъ проповѣдь, совѣмъ какъ библейскій патриархъ. Отецъ Николай

думалъ было его назначить помощникомъ катихизатора официально, т. е. съ жалованьемъ, только къ собору Евгений захворалъ и думалъ, что больше не поправится и служить церкви не будетъ въ состояніи. Теперь онъ здоровъ опять, можетъ быть назначеніе его и состоится. Слушатели здѣсь есть; многіе поселенцы— бывшіе земляки Евгенія, всѣхъ онъ ихъ хорошо знаетъ и потому можетъ на нихъ вліять. Катихизаторъ же саппороскій, въ вѣдѣніи котораго до сихъ поръ находился Поромуй, пріѣзжаетъ сюда не часто и живетъ не подолгу: замѣтныхъ плодовъ его старанія (буде они есть) имѣть не могутъ. Священникъ тоже бываетъ рѣдко, прошлый годъ даже и совсѣмъ не былъ: Поромуй недалеко отъ Саппоро, но путь сюда трудный и не всегда даже возможный.

Скоро собрались всѣ христіане (ихъ 23 человекъ съ дѣтьми), кромѣ второго зятя, Игнатія, прокаженнаго, который поэтому и стѣснялся придти въ собраніе. Такъ какъ было уже за полдень, то я началъ служить вечерню. Три женщины прекрасно пропѣли, положительно ни разу не сразили. Одна изъ нихъ кончила курсъ въ нашей тоокійской епархіальной школѣ, а двѣ другія выучились пѣнію въ Вакуя (гдѣ Евгений также много трудился по церкви). Василій, женатый на внучкѣ Евгенія (онъ былъ нашимъ погонщикомъ), молодой человекъ лѣтъ 24, образцово прочиталъ, что нужно было за вечерней, зналъ, когда нужно подавать кадило и пр. Любо было смотрѣть на эту маленькую, но прекрасно воспитанную церковь. По словамъ отца Николая, всѣ они безъ исключенія пріобщаются св. таинъ, только бы священникъ къ нимъ пріѣхалъ. Василій, видимо, является прямымъ помощникомъ дѣду во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, также ревностно заботится и объ обращеніи другихъ. Послѣ службы, когда мы всѣ усѣлись около большой хибаки и завели общую бесѣду, Василій, сидя подлѣ дѣда и няньча своего трехлѣтняго сына (правнукъ Евгенія), особенно усердно спрашивалъ симпу Николая бывать здѣсь почаще и, по крайней мѣрѣ, заставлятъ пріѣзжать сюда саппороскаго сенсея (катихизатора).

Послѣ вечерни я сказалъ поученіе о нашемъ долгѣ хранить обѣтъ, данный нами при крещеніи и неустанно стремиться къ почести высшаго званія. Въ собраніи были и два

зятя Евгенія, еще язычники. Особенно жаловался онъ на одного изъ нихъ, не поддающагося никакимъ увѣщаніямъ,—думали даже, что онъ и совѣмъ не придетъ повидаться съ нами. Зять хмуро сидѣлъ, понутивъ голову, но потомъ въ разговоръ вступилъ. Очевидно, его опутали разныя деревенскія суевѣрія, примѣты, повѣрья, онъ бы и радъ послушать христіанства, да боятся, какъ бы за это не перестала земля приносить ему урожая, какъ бы разныя „пнари—санъ“ не отстали ему падежемъ скота или еще чѣмъ-нибудь. Кругозоръ слишкомъ малъ и матеріаленъ, человѣкъ не хочетъ оторвать своего взора отъ питающей его земли. Впрочемъ, этотъ человѣкъ взялъ дочь Сибанай недавно,—можетъ быть подъ вліяніемъ этого глубоко христіанскаго дома и онъ придетъ ко Христу.

Насъ угостили обѣдомъ, приготовленнымъ, конечно, дома, попросту, но очень вкуснымъ и, главное, съ искреннимъ радушіемъ. Предъ каждымъ поставленъ небольшой столикъ—подносъ, а на немъ двѣ лакированныя чашки съ превосходными японскими супами, жареная рыба, сырая рыба, соленая рѣдька, что-то сладкое, да всего и не перечесть. Все это ставится предъ вами разомъ, вы можете безъ всякаго меню приниматься съ какого-угодно конца, законовъ для этого не существуетъ. Кто-нибудь изъ хозяевъ (прочіе всѣ уходятъ: таково правило приличія) садится поблизости съ большой круглой мисой, наполненной дымящимся горячимъ рисомъ, который и составляетъ для японца обѣдъ въ собственномъ смыслѣ,—прочее все только приправа или прикуска. Каждый гость держитъ въ лѣвой рукѣ небольшую чашку съ рисомъ;—опорожнивъ одну, протягиваетъ ее угощающему для наполненія, за другою слѣдуетъ третья и т. д., по силѣ и способности каждаго; въ правой рукѣ тоненькія „хаси“, палочки, которыми и направляется въ ротъ рисъ и все разставленное на подносѣ. Нужна, конечно, немалая сноровка, чтобы палочками схватить, что нужно, и пронести именно въ свой ротъ и никуда иначе. Для этого чашку съ рисомъ подносятъ къ самому рту, а супъ прямо пьютъ, громко при этомъ прихлебывая. Если бываетъ вино, его подаютъ непременно предъ ѣдой, при немъ полагается только „саканъ“ (буквально, рыба,—но здѣсь означаетъ вообще хо-

лодную закуску). Можно поѣсть и супу, но отнюдь не рису: если поданъ рисъ, вино убирается.

Мы посидѣли послѣ обѣда еще съ часъ, бесѣдуя съ нашими хозяевами о разныхъ предметахъ. Старикъ давалъ отцу Николаю порученія выписать книгъ, которыхъ у него еще не было, заказывалъ молитвенниковъ для своей многочисленной родни, икону для только что отдѣлившагося Василія и пр. Необходимо имъ также прислать и Часословъ съ Октоихомъ, а то они совершаютъ Богослуженіе по какимъ-то старымъ запискамъ, кое-какъ написаннымъ Василиемъ при отъѣздѣ изъ Вакуя. Какъ ни жалко было оставить этихъ хорошихъ людей, какъ ни хотѣлось и имъ, и намъ побыть еще дольше, но ѣхать было нужно, и мы въ три съ половиной часа отправились назадъ въ Ебецу, въ сопровожденіи тѣхъ-же Никиты и Василія. Ѣхать пришлось уже другой окольной дорогой: дождь, моросившій, пока мы пробыли въ домѣ, сдѣлалъ прежнюю дорогу не проходимою. Изъ этого можно понять, что за сообщеніе въ этомъ злополучномъ мѣстѣ.—Едва-едва посѣли мы къ поѣзду, уходящему дальше на востокъ. Только благодаря тому, что и поѣздъ по обыкновенію опоздалъ, и удалось намъ вскочить въ вагонъ. Помогъ намъ, впрочемъ, и какой-то бантѣ. Онъ подошелъ ко мнѣ и кланяясь спросилъ: „Вы симпу будете?“—Да, симпу. Тотъ принявъ благословеніе и, поспѣшно схвативъ мой чемоданъ, пронесъ его въ вагонъ. „Какъ же ваше „сей-на“ (святое имя, т. е. данное въ крещеніи)? Францискъ?—Ну, молъ, вы ошиблись, я священникъ православный, а не католическій. Чемоданъ, однако, быть уже внесень...

Не успѣлъ я хорошенько проститься и благословить нашихъ провожатыхъ, какъ поѣздъ тронулся. Черезъ сорокъ минутъ—Ивамизава, гдѣ остановились ночевать, по темнымъ улицамъ протаскивъ свой багажъ до довольно отдаленной гостиницы. Въ Ивамизава—два нашихъ христіанскихъ дома: Яковъ Коси-яма и Сато. Отецъ перваго былъ въ свое время катихизаторомъ, но уже лѣтъ 17 тому назадъ умеръ; младшій братъ учится въ семинаріи. Къ сожалѣнію, вся семья Якова (мать, жена и дочка) зачѣмъ-то уѣхали въ Саппоро, а адреса Сато отецъ Николай еще не знаетъ, такъ какъ тотъ не особенно давно сюда переселился. Объ эти семьи крещены

въ старой Японіи, можетъ быть, около нихъ и здѣсь со временемъ образуется церковь. Ивамизава—городъ, по Езо, довольно порядочный, въ немъ до 1000 домовъ, но онъ и теперь еще продолжаетъ расти. Здѣсь узелъ желѣзныхъ дорогъ, расходящихся по всему открытому Хоккайдо.

### Тюрьма и копи.

*1 сент.—20 август.* Утромъ приходилъ Яковъ, поговорилъ съ полчаса и ушелъ на должность: онъ служитъ въ механическомъ отдѣленіи на здѣшной станціи. Обѣщался хорошенько распросить про адресъ Сато, чтобы отецъ Николай въ слѣдующій разъ могъ безъ труда найти его. Какъ видите, здѣсь иногда приходится въ буквальномъ смыслѣ отыскивать блуждающихъ овецъ. Иной и хорошій христіанинъ, но или не догадается извѣстить самъ о себѣ мѣстнаго священника, или, что рѣдко, хорошенько не знаетъ, къ чьему приходу принадлежитъ городъ, въ которомъ онъ поселился. И вотъ живетъ безъ священника. Отъ этого помаленьку можетъ охладиться его вѣра и привычка къ церкви. Окружающая языческая среда обладаетъ замѣчательной засасывающей силой; вѣдь, эта среда родная христіанину по національности и всему прошлому: устоять одному противъ нея трудно. Есть въ такой отчужденности и еще опасность, свойственная, навѣрное, только японской церкви. Крещеніе здѣсь совершается исключительно священниками и только въ смертной опасности дозволяется крестить катихизатору и вообще христіанину (первому впрочемъ, дозволяется совершать оглашеніе). Христіане наши усвоили это буквально. Поэтому, живетъ кто-нибудь изъ нихъ въ глуши, куда священникъ никогда не заглядываетъ, рождаются у него дѣти, растутъ, становятся большими, но ни разу не подвергаются смертельно—опасной болѣзни. Такъ они и остаются некрещенными. А разъ дитя, тѣмъ болѣе взрослое, еще не крещено, на него и смотрятъ, какъ на язычника, даже и молитвъ путемъ не обучаютъ. Далѣе, идетъ языческая правительственная школа. Послѣ бываетъ очень трудно съ такими дѣтьми; если же родители умрутъ, то дѣти и совсѣмъ остаются въ язычествѣ. Поэтому священникамъ и внушается постоянно не забывать этой своей главной обязанности, для которой и Христосъ на землю пришелъ.

Въ 9 часовъ утра выѣхали по небольшой вѣтви въ горы, на станцію Поронайбуто. Вѣтвь эта сдѣлана для провозки каменнаго угля, богатыя залежи котораго разрабатываются не далеко отъ помянутой станціи. Мы ѣхали широкой зеленой долиной, направо—горы, покрытыя густымъ, слегка уже желтѣющимъ лѣсомъ, налево—извивается рѣчка по своему неровному руслу, за ней зеленые дуга, а тамъ опять лѣсъ и горы. Подѣзжая къ станціи, мы еще издали замѣтили небольшую группу женщинъ и дѣтей въ праздничныхъ костюмахъ. Это были наши христіанки, пришедшія насъ встрѣчать. Съ ними былъ и катихизаторъ Поликарпъ Исѣи, съ мѣсяць тому назадъ перебравшійся въ эту церковь. Послѣ первыхъ привѣтствій и благословенія мы отправились всею толпою въ церковь. Идти нужно было чрезъ рѣчку къ противоположному краю долины, гдѣ, верстахъ въ двухъ отъ станціи, по склону горы сѣрѣли большія деревянныя здавія и высокая такая же стѣна правительственной тюрьмы, а подѣ нею въ одинъ рядокъ вытянулся поселокъ Ицкиисиріи. Поселокъ этотъ сравнительно небольшой, всего домовъ въ 200, занятъ по большей части служащими въ тюрьмѣ и вообще имѣющими къ ней какое-нибудь отношеніе. Кромѣ того, въ особыхъ казармахъ или баракахъ живутъ до 150 семействъ тюремныхъ надсмотрщиковъ. Православныхъ здѣсь семь домовъ и изъ нихъ шесть принадлежитъ надсмотрщикамъ (въ томъ числѣ двое холостыхъ живутъ въ общежитіи при другой тюрьмѣ въ растояніи одного „ри“ отсюда).

Церковный домъ нашъ вышностью поразить не можетъ: въ длинномъ баракѣ (нагаѣ, по японски) нанято помѣщеніе назначавшееся для лавки. Конечно, это крайне неудобно и непредставительно, но другихъ домовъ здѣсь почти нѣтъ. постройка тюремная; строить для этой маленькой церкви особыя квайдоо еще рано: пять семей и двое холостыхъ человекъ, съ ихъ скромнымъ содержаніемъ, не въ состояніи предпринять такую постройку. Въ небольшой комнаткѣ виситъ нѣсколько иконъ, предъ ними Богослужебный столникъ съ деревяннымъ самодѣльнымъ трехсвѣчникомъ. Вотъ и все убранство. Въ той же комнатѣ живетъ и катихизаторъ со своей молодой женой (дочерью саппороскаго Григорія Абе) и ребенкомъ. Я отслужилъ обѣдницу. Пѣли катихизаторъ съ женой, а потомъ стали подтягивать и кое-кто изъ пред-



стоящихъ. Собралось съ дѣтьми человекъ 12—13, присутствовали всѣ женщины и трое мужчинъ, не пришла только старая и глухая „обаасанъ“, мать одного изъ надсмотрщиковъ, да всѣ, кого задержала служба (всѣхъ христіанъ здѣсь безъ катихизаторской семьи,—19 человекъ). Дѣтей школьнаго возраста здѣсь всего два мальчика, да и тѣ недавно пришли сюда вмѣстѣ съ ихъ отцемъ Аарономъ Оно. Есть еще дѣвочка Ольга, дочь язычниковъ; она наслышалась о Христѣ отъ здѣшнихъ христіанокъ и стала усиленно просить своихъ родителей позволить ей быть христіанкой. Родители ей, наконецъ, позволили и дѣвочка, выслушавъ оглашеніе, теперь стала христіанкой. Только она до сихъ поръ еще не миропомазана: когда все было готово ко крещенію и собрались всѣ, кого слѣдовало крестить, съ дѣвочкой вдругъ случился не то припадокъ, не то обморокъ. Отецъ Николай поспѣшилъ преподавать ей только крещеніе больныхъ, а миропомазать почему-то не собрался. Теперь Ольга неопустительно ходитъ въ церковь, дома у ней есть и иконка, и молитвенникъ. Богъ дастъ, будетъ хорошей христіанкой, да и родителей своихъ приведетъ ко Христу,—примѣровъ такихъ много въ исторіи миссіи.

Я говорилъ поученіе привѣтственное и на дневное евангеліе (Мѣ. XII, 48—50), о величайшемъ счастьи для христіанъ быть присными Богу. Послѣ проповѣди, пошла простая бесѣда о воспитаніи матерями дѣтей, о приученіи ихъ къ молитвѣ съ самыхъ первыхъ моментовъ ихъ мало-мальски сознательной жизни, говорили и о симбокукваѣ. Впрочемъ, симбокуквай здѣсь и невозможно собирать регулярно: мужская половина населенія на службѣ съ трехъ часовъ утра и до вечера, только очень рѣдко выпадаетъ имъ льготный денекъ, но тогда они и безъ всякаго симбокуквай собираются вмѣстѣ и бесѣдуютъ. Церковь живетъ, дѣйствительно одной семьей, чему не мало способствуетъ и одинаковость ихъ службы, да и возраста. Всѣ они люди лѣтъ 25—30, всѣ почти надсмотрщики, живутъ въ казенныхъ баракахъ за общей стѣной. Всегда есть возможность видѣться, поговорить, у христіанъ же среди язычниковъ и безъ того всегда устанавливаются болѣе близкія отношенія. Въ церковь ходятъ больше женщины, да отъ мужчинъ этого и требовать нельзя, такъ какъ служба исключеній не допускаетъ. Мет-

рики здѣсь еще не завели, хотя было уже и 15 крещеній, которыя и записаны у священника въ записной книжкѣ. Изъ этихъ 15-и семь человекъ умерло или переселилось, а одинъ совершенно ослабѣлъ, даже говорятъ, будто опять перешелъ въ буддизмъ, сталъ идолопоклонникомъ. Былъ онъ рабочимъ на кузницѣ у Александра Абе, тогда и принялъ крещеніе, должно, быть, обучили его невнимательно, и онъ крестился больше изъ желанія угодить хозяину. Конечно, попади онъ и постѣ въ христіанскій домъ, онъ до сихъ поръ былъ бы въ церкви и постепенно окрѣпъ бы въ христіанствѣ, одинъ же устоять противъ міра не могъ. Всѣхъ съ пришедшими—19 человекъ, если же считать семью катихизатора, то—22, Среди знакомыхъ и сослуживцевъ нашихъ христіанъ есть и желающіе слушать ученіе. Богъ дастъ, современемъ и они придутъ въ эту общину.

Кончивъ свой запоздалый обѣдъ въ гостинницѣ, гдѣ остановились, мы рѣшили идти въ Поронай, въ угольные копи, у насъ тамъ есть человекъ два христіанъ. Туда ведетъ желѣзная дорога, но поѣздъ уже ушелъ (единственный въ день) и потому мы должны были идти пѣшкомъ; разстоянія отъ Ицкисири веретъ шесть, все въ гору. Проходя городомъ, видѣли небольшой деревянный выкрашенный бѣлой краской квайдзо, такъ называемой, „Христовой Церкви“ (самостоятельной японской, которая есть и въ Саппоро). Домикъ очень хорошій, просторный, съ виду человекъ на 50 и болѣе. Но теперь собраній нѣтъ, и онъ стоитъ пустой, предполагается даже помѣстить въ немъ правительственную школу. Вообще, въ Ицкисири инославію какъ-то не везетъ: есть только единицы вѣрующихъ: католикъ, нѣсколько протестантовъ разныхъ исповѣданій, къ которымъ отъ времени до времени и пріѣзжаютъ ихъ пасторы или священники.

Мы прошли до станціи, а потомъ по полотну желѣзнодорожной вѣтви направились по довольно узкому ущелью, поросшему лѣсомъ. Идти нужно одно рѣ до „си—гай“, селеніе или городъ, которому и присвоено названіе Поронай. Въ ущельи, со всѣхъ сторонъ сдавленномъ высокими и крутыми горами, стоятъ какіе-то бараки закоптѣлые, черные отъ сажи, должно быть, прежде это были просто склады для каменнаго угля, а теперь превращены въ казармы для рабочихъ. Мы проходимъ мимо и сквозь прорытую гору всту-

паемъ въ другую часть города, гдѣ находятся копи въ собственномъ смыслѣ. Тамъ по крутымъ скаламъ нагромождены одинъ на другой огромные сараи для угля, по разнымъ направленіямъ положены рельсы для ручныхъ вагончиковъ. Мы идемъ мимо почернѣлой товарной станціи—мѣста на грузки добытаго угля. Кругомъ въ горахъ видны зіяющія отверстія пробныхъ или уже отработанныхъ шахтъ,—крытые ходы съ рельсами. Далѣе по горѣ въ страшной тѣсотѣ и грязи лѣплятся кое-какъ сколоченныя хижины рабочихъ. Улицы кривыя, узкія, заваленныя всякой дрянью. Тутъ же дымятъ небольшія жаровни, на которыхъ оборванныя жены рабочихъ варятъ обѣдъ. Угольная пыль, густымъ слоемъ насѣвшая на всемъ, всему придаетъ еще болѣе мрачный и грязный видъ. А рабочіе себѣ празднуютъ свой „бонъ“, изъ покривившихся лачужекъ слышны нестройныя пѣсни, немзыкальное бречаніе сямусень, по улицамъ—полунагія фигуры пьяныхъ съ красными лицами и выкатившимися глазами. Вотъ притонъ! Становилось какъ-то скверно на душѣ при видѣ такого крайняго животизма, до котораго можетъ довести человѣка ежедневная гнетущая нужда и безпросвѣтлый трудъ изъ-за того, чтобы не умереть.

Въ одномъ изъ такихъ домовъ, по только нѣсколько большихъ размѣровъ, и живетъ нашъ христіанинъ Павелъ Окатъ. Тутъ у него и общественная ванна, и лавка, едва ли не единственная въ городѣ. Постоянная толчея, постоянные посятители. Какой-то дяденька, должно быть послѣ ванны, почивалъ въ пріемной комнатѣ,—подозрительная краснота лица давала основаніе думать, что онъ легко не проснется, а проснувшись не скоро придетъ въ себя. Въ старые годы Павелъ былъ хорошимъ христіаниномъ и даже ги—юу, старостой или старшиной въ одной изъ Тоокійскихъ церквей. Лѣтъ 12—13, какъ перебрался сюда и теперь, увы, видимо—въ рейтанѣ. Жена съ нимъ разсорилась и ушла отъ него (потомъ и умерла). Онъ взялъ другую, язычницу, отъ которой имѣетъ уже пять человѣкъ дѣтей, старшей дѣвочки лѣтъ 11, и всѣ они не крещены. Я спросилъ, почему до сихъ поръ не крестилъ дѣтей. Говоритъ, некогда было съѣздить въ Саппоро или въ Ицкисири, когда тамъ бываетъ симпу, нельзя-де бросить лавку, баню;—народъ приходитъ постоянно, а прислуги посторонней нѣтъ; здѣсь же окрестить негдѣ. Для такого лучше

уязъ было бы самому крестить дѣтей, чѣмъ оставлять ихъ некрещенными изъ-за не досуга поѣхать къ священнику. Впрочемъ, была бы только вѣра и усердіе, недосугъ пріятствіемъ служить не можетъ: человекъ занять, вѣдь, только своей торговлей, а не какими-нибудь общественными обязанностями. Какъ можно предполагать и заранѣе, бесѣда наша съ хозяиномъ не могла быть особенно гладкой, онъ конфузился, а я чувствовалъ себя нехорошо. Какъ ни странно это говорить, а лучше было бы его дѣтямъ перехворать: ихъ тогда окрестилъ бы и самъ отецъ, а ставъ христіанами, они были бы ближе къ церкви, охотнѣе пришли бы на молитву, сошлись бы съ дѣтьми христіанскими, и такимъ образомъ, все-таки имѣли бы на себѣ христіанское вліяніе. Павелъ накрѣпко обѣщался въ слѣдующій разъ непременно прислать въ церковь всѣхъ своихъ дѣтей и приготовить ихъ ко крещенію, а отецъ Николай обѣщался обязательно посѣщать Павла регулярно и прислать катихизатора изъ Ицикиспри, чтобы тотъ огласилъ старшую дѣвочку, а можетъ быть и саму жену. Нѣсколько утѣшили насъ приходъ другого христіанина, живущаго здѣсь и работающаго въ копяхъ. Это еще молодой человекъ, одинокій, почему и живетъ въ общемъ помѣщеніи, вмѣстѣ съ другими рабочими. Принялъ онъ крещеніе нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Акита, самой закоренѣлой въ японціи провинціи. Насколько можно судить по нашему краткому знакомству съ нимъ, человекъ онъ смиренный, трезвый и хорошій христіанинъ, хотя ученостью не блещетъ. Христіанства своего онъ не скрываетъ ни предъ кѣмъ, стало быть вѣруетъ и не боится. Мы дали ему иконку. Катихизатору поручимъ постоянно посѣщать его и поддерживать въ немъ вѣру: въ такой ужасной средѣ, какова здѣшняя, рудниковая, особенно опасно оставлять простыхъ христіанъ безъ постояннаго руководства и посѣщенія. Богъ дастъ, окрестятся дѣти Павла, тогда образуется здѣсь небольшая общинка, частыя же посѣщенія катихизатора, могутъ быть, привлекутъ ко Христу и еще кого-нибудь изъ окружающаго міра.

Простившись съ нашими христіанами, которые далеко вышли провожать насъ, мы пошли въ обратный путь. Въ этихъ же копяхъ живетъ и Матѳей, теперь оставившій христіанство <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> О немъ выше, въ метрику Ицикиспри

Съ помощью Павла и другого христіанина отецъ Николай и катихизаторъ постараются его найти; Богъ дастъ еще можно будетъ возвратить его къ вѣрѣ: человекъ что-нибудь да пережилъ, принимая крещеніе, не можетъ быть, чтобы это не оставило въ его душѣ памяти.

Вернулись въ Ицикисиріи часовъ въ семь вечера, когда стемнѣло. Мужчины теперь были уже свободны. Снявъ свою полувоенную форму, они встрѣчали насъ группами по двое и по три на улицѣ и вмѣстѣ прошли въ нашу гостинницу. Туда же пришли потомъ и двое холостыхъ христіанъ, оба Петра, которые живутъ у другой тюрьмы, около рн отсюда. Пробывъ на службѣ цѣлый день, они должны были къ тремъ часамъ утра завтра опять быть на мѣстахъ, но ради рѣдкаго случая, рѣшились пожертвовать ночнымъ покоемъ.

Послѣ ужина мы пошли по домамъ христіанъ. Хотя было и поздно, и всѣ, съ нами вмѣстѣ, были утомлены и спать хотѣли, но болѣе подходящаго времени выбирать не приходилось: днемъ всѣ мужчины на службѣ. Одинъ христіанскій домъ находится въ поселкѣ: простая женщина христіанка, мужъ которой еще язычникъ (теперь онъ гдѣ-то очень далеко, едва ли не на Формозѣ), у нихъ двое маленькихъ дѣтей. Мать упросила мужа позволить ихъ воспитать по христіански, и теперь это позволеніе получила, въ слѣдующій разъ малютки будутъ окрещены. Послѣдъвъ съ ней немного (насъ было цѣлая толпа: я, о. Николай, катихизаторъ, двое холостыхъ христіанъ, которымъ хотѣлось побольше побыть съ нами, еще кто-то изъ здѣшнихъ), мы отправились къ тюрьмѣ плн, точнѣе, къ предверію тюрьмы. Огромный дворъ за высокимъ заборомъ, на немъ правильными улицами построены одинаковые бараки, по которымъ распределены квартиры 150 семейныхъ надсмотрщиковъ. Военной трубой будятъ ихъ всѣхъ на службу, бьютъ въ свое время зарю, вообще они живутъ на полувоенномъ положеніи. Наши четыре семьи помѣщаются среди другихъ, не вмѣстѣ, но между собой въ постоянномъ общеніи. Мы стали переходить изъ барака въ баракъ, отъ семьи къ семьѣ. Вездѣ приготовлено было простое угощеніе, хозяева, наряжены, нашего посѣщенія ожидали. Посѣтивъ одну семью, шли въ квартиру другой, при чемъ хозяинъ прежней и самъ отправлялся съ нами, такъ что въ послѣдней квартирѣ со-

бралась почти вся мужская половина этой церкви, пришло и нѣсколько ихъ знакомыхъ, уже заинтересованныхъ ученіемъ. Было поздно, что-то около двѣнадцати часовъ, ребята Аарона Оно (въ его квартирѣ пришлось это послѣднее собраніе) непоправимо спали и не просыпались. А побесѣдовать хотѣлось всѣмъ. Говорили про вѣру, про ихъ тяжелую въ нравственномъ отношеніи службу. они спрашивали кое-что изъ церковныхъ обычаевъ, изъ ученія. Только уже за полночь наша бесѣда прекратилась, и мы подъ дождемъ кое-какъ пробрались въ свою гостинницу. Оба холостыхъ Петра насъ проводили, а сами въ ночной темнотѣ по грязи и подъ дождемъ зашагали къ себѣ домой.

### Мороранъ.

*2 сент.—21 август.* Дождь лилъ неустанно, но, не смотря на него, наши христіанки всѣ пришли проводить насъ на станцію. Мы поѣхали сначала въ Ивамизавъ, а потомъ пересѣли на поѣздъ, идущій на югъ, въ Мороранъ. На половинѣ пути на станціи Оиваки, остановились чтобы посѣтить живущихъ тамъ христіанъ, именно домъ Кудоо. Семья состоитъ изъ трехъ человѣкъ: мужа, жены и мальчика—сына Самъ Моисей занимается плотничествомъ и постоянно находится въ отсутствіи. Жена очень ревностная христіанка, неизмѣнно причащающаяся каждый годъ, и по христіански воспитывающая своего сына Гавріила. Мы просидѣли съ ней долго, коротая время до слѣдующаго поѣзда.

Одна здѣшняя молодая дѣвушка, приняла крещеніе въ Отару у своего зятя—христіанина. Теперь родители ея, упорные язычники, всячески стѣсняютъ ее,—она только въ домѣ Кудоо и отводитъ свою душу и молится. Мы послали соседскую дѣвочку извѣстить ее, и скоро она прибѣжала, съ радостію посидѣла съ нами, побесѣдовала. Уговаривалась съ отцомъ Николаемъ въ слѣдующій его приѣздъ исповѣдаться и приобщиться, жаловалась на стѣсненія своей вѣрѣ дома. Есть, впрочемъ, надежда, что скоро она выйдетъ замужъ и именно опять въ Отару, гдѣ уже не будетъ стѣсненій ея вѣрѣ.

По нашимъ свѣдѣніямъ, здѣсь должна быть и еще христіанка, недавно переселившаяся сюда съ мужемъ-язычникомъ.

комъ. По разнымъ примѣтамъ удалось ее найти, и та тоже пришла въ домъ Кудоо. Такимъ образомъ, всѣ здѣшнія христіанки познакомились другъ съ другомъ, доброе вліяніе самой Кудоо благотворно можетъ подѣйствовать и на остальныхъ двухъ. Вновь пришедшая—дочь нѣкоего Сайто, христіанка изъ Отару, много лѣтъ бывшаго слугою и поваромъ въ Хакодате у русскихъ миссіонеровъ. Къ церкви, стало быть, она пріучена еще съ малыхъ лѣтъ и всѣ церковныя обычаи знаетъ хорошо. Мы потомъ всѣ зашли и къ ней на квартиру: довольно чистыя и убранныя комнаты, мужъ—буддистъ, и, повидимому, ревностный, потому что въ домѣ держитъ идоловъ. Это, впрочемъ, лучше безвѣрія, или безразличія, ближе къ познанію Христа. Своей женѣ, однако, этотъ буддистъ никакихъ стѣсненій не дѣлаетъ, есть у ней и икона, и молитвенникъ, только держала она все это за ширмой. Женщина—хорошая, вѣрующая; можетъ быть, со временемъ повліяетъ и на мужа, особенно, если познакомитъ его съ катихизаторомъ или священникомъ. На прощанье я посовѣтовалъ христіанкамъ собираться по воскресеньямъ вмѣстѣ и молиться, какъ онѣ могутъ; хотя бы только прочитывали обычныя молитвы и дневное евангеліе. Это сблизитъ ихъ и укрѣпитъ въ нихъ вѣру.

На вокзалѣ встрѣтили Тита Ямада, очень хорошаго христіанка, теперь живущаго въ Мороранъ. Онъ служитъ кондукторомъ и теперь ѣхалъ съ поѣздомъ въ Саппоро, а въ Мороранъ дастъ телеграмму, чтобы жена встрѣтила насъ на станціи; ночевать онъ проситъ остановиться обязательно у него.

Мы выѣхали. Пошелъ дождь и лилъ непрерывно. Въ семь съ половиною были на мороранскомъ вокзалѣ, странно освѣшенномъ фонарями безчисленныхъ банто, пришедшихъ звать въ свою гостиницу пассажировъ. Была въ томъ числѣ съ фонаремъ и наша Нина со своими тремя ребятами. Мы пошли, увязая въ липкой грязи и черпая воду своими худыми сапогами. Хорошо еще, что идти пришлось всего минутъ пять. Казенная квартира Тита находилась въ желѣзнодорожномъ зданіи недалеко отъ станціи.

Въ Мороранѣ до сихъ поръ церкви въ собственномъ смыслѣ не было. Извѣстно было, что тамъ живутъ нѣсколько христіанъ, могли быть кромѣ нихъ еще неизвѣстные, но ни-

когда въ этотъ городъ священники или катихизаторы для проповѣди не прїѣзжали, хотя инославная проповѣдь здѣсь давно уже и есть. На послѣднемъ соборѣ отецъ Николай настоятельно поднятъ вопросъ объ этомъ многообъщающемъ мѣстѣ. Городъ все растетъ, въ него собираются люди со всѣхъ сторонъ, между ними непремѣнно есть и христіане. Необходимо имѣть тутъ церковь: увидя вывѣску, православный придетъ и такимъ образомъ не потеряетъ связи съ церковію. Кромѣ того, и новые слушатели обязательно найдутся. Объ этомъ особенно просилъ и Титъ Ямада, живущій здѣсь. Ему хочется видѣть здѣсь церковь. Съ своей стороны онъ готовъ оказать всякое содѣйствіе, на первыхъ порахъ и помѣщеніе катихизатору дать въ своемъ домѣ, только бы онъ прїѣзжалъ. Поэтому, на соборѣ и рѣшили, за недостаткомъ катихизаторовъ, поручить Мороранъ Поликарпу, Исии катихизатору въ Ицкисири. Онъ долженъ будетъ регулярно сюда прїѣзжать и жить здѣсь извѣстное время. Мы съ отцемъ Николаемъ и прїѣхали на этотъ разъ познакомиться съ положеніемъ дѣлъ и окончательно рѣшить дѣло о катихизаторѣ.

Нина насъ угостила ужиномъ, приготовленнымъ ею самою. Сама же накладывала намъ въ чашки рису, бесѣдуя о разныхъ предметахъ.

Нина такая же искренняя христіанка, какъ и самъ Титъ: около нихъ хорошо собрать церковь,—они могутъ собою объединить и другихъ. Въ комнатѣ въ переднемъ углу виситъ (этотъ чисто русскій обычай привился особенно въ Хакодате и оттуда и по всѣмъ Хоккайдоскимъ церквамъ) нѣсколько хромолитографическихъ иконъ, какія обычно выдаются при крещеніи, онѣ поставлены въ рамы на небольшой полочкѣ, совершенно, какъ въ русскомъ домѣ. Присмотрѣвшись поближе, я замѣтилъ предъ иконами, кромѣ подсвѣчника для свѣчи, еще что-то, какую-то чашечку, въ которой, по изслѣваніи, оказалось немного рису. „Это что у тебя такое?“— Да, вотъ хочется чѣмъ-нибудь послужить иконамъ. Бѣдная Нина крайне сконфузилась, когда я ей объяснилъ, что предъ иконами этого ставить не нужно, что это языческій обычай. Лучше, молъ, укрась икону по средствамъ, а въ праздникъ предъ нею лампадку зажгли, у тебя и на сердцѣ будетъ въ праздникъ свѣтло... Не судите насъ, читатель, съ нашими



немощами. Нина просто не знала обычаевъ христіанскихъ, а усердіе у ней есть. Живутъ они отдѣльно отъ другихъ христіанъ, научить или подеказать, когда что не такъ, некому.

Двоимъ ночевать въ квартирѣ Тита было тѣсно, да и неприготовлено ничего подходящаго. Поэтому отецъ Николай остался тутъ, а я отправился по лужамъ искать себѣ пріюта гдѣ-нибудь въ гостинницѣ. Нина шла впереди съ фонаремъ и свѣтила. Зашли въ первую гостинницу, знакомую мнѣ, тамъ отказали. Плыдемъ по грязи дальше. Въ слѣдующей парадныя комнаты стояли настезь, вдоль передней стѣны разставлены въ рядъ нѣсколько буцу-данъ (буддійскихъ божницъ; если закрыть ихъ створки, онѣ сильно напоминаютъ несгораемые ящики), предъ ними цѣлыя линіи зажженныхъ свѣчей, различныя приношенія. Въ комнатахъ видѣлись гости въ парадномъ платьи. Происходило что-то очень торжественное, почти богослуженіе, хотя двое изъ присутствующихъ тутъ же предъ буцуданами спокойно играли въ японскія шашки. Послѣ узнали, что въ этомъ домѣ скончался ребенокъ, поэтому и было такое богослужебное убранство (покойникъ былъ уже похороненъ). Останавливаться и здѣсь нельзя было, пришлось идти еще дальше. Только въ третьей гостинницѣ нашлась свободная комнатка, въ которой я, мокрый и усталый, и нашелъ себѣ покой.

*3 сент.—22 август.* Утромъ въ 9 часовъ пришелъ отецъ Николай и привелъ христіанина Хасимото, давно уже живущаго здѣсь. Мы отправились въ его домъ. Онъ занимается производствомъ „тофу“ (родъ гороховаго киселя или своего рода желе), промыселъ не особенно выгодный и, кажется, не особенно почитаемый. Недавно бѣдный Хасимото погорѣлъ и теперь, кое-какъ скотилъ въ свой домъ, очень бѣдствуетъ. Жена его Ирина, занятая приготовленіемъ тофу, какъ-то непривѣтливо съ нами поздоровалась, приняла благословеніе и тотчасъ же ушла къ своему дѣлу. Когда я говорилъ ей о молитвѣ, о необходимости воспитывать дѣтей въ христіанствѣ, она какъ-то безучастно смотрѣла въ сторону или въ полъ, думая очевидно только о томъ, какъ бы поскорѣе кончить этотъ непріятный разговоръ. Ну, подумать я, совершенная „рейтанъ“, отвыкла отъ церкви и охладѣла къ вѣрѣ окончательно. Послѣ я узналъ, что она

въ своемъ родномъ городѣ попала подъ судъ за азартную игру (должно быть, держала притонъ) и высидила сколько-то въ тюрьмѣ. Отъ стыда они и убѣжали съ мужемъ съ родины и поселились въ Мороранѣ, гдѣ никто не зналъ ея прошлаго. Двое ихъ дѣтей тоже отвыкли отъ церкви и симпу, страшно дичились и ни за что не хотѣли подойти подъ благословеніе. Младшій же сынъ, лѣтъ четырехъ, еще и не былъ крещенъ. Самъ Хасимото видимо стыдился за свою семью и охотно выслушивалъ наши указанія, что сдѣлать. Самъ онъ вѣры несомнѣнно не утратилъ. Въ его маленькой комнаткѣ, открытой съ улицы, стало быть предъ глазами всѣхъ проходящихъ, виситъ большая икона въ хоршей золоченой кіотѣ, какихъ рѣдко можно встрѣтить въ японскихъ домахъ. Въ сосѣдяхъ съ Хасимото много лѣтъ жилъ какой-то протестантскій проповѣдникъ, который не могъ, конечно, не замѣтить вѣры Хасимото и всячески увивался около этого одинокаго, заброшеннаго христіанина православной церкви. Однако, Хасимото искушеніямъ не поддавался, хотя для него, можетъ быть, и было бы далеко не убыточно перейти въ протестанство. Есть, стало быть, вѣра,—только несчастіе съ женой сбило ихъ обоихъ съ пути и ослабило ихъ нравственную энергію. Они нуждаются въ ободреніи и поддержкѣ.

Хасимото потомъ проводилъ насъ и до дома парикмахера Кудоо. Зовутъ его Иоанномъ, человѣкъ онъ лѣтъ тридцати, маленькимъ учился въ нашей хакодатской школѣ и постоянно ходилъ къ Богослуженію, прислуживалъ даже въ алтарѣ. Поэтому, онъ прекрасно знаетъ все церковное, всѣхъ катихизаторовъ, бывшихъ тогда, т. е. десять лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ онъ ушелъ сюда и связи съ церковію не имѣлъ. По его разговорамъ, пріемамъ и пр., по тому, что онъ нисколько не испугался и не сконфузился, когда мы пришли въ его лавку и потомъ на виду всѣхъ долго въ ней просидѣли за бесѣдой, никакъ нельзя было замѣтить въ немъ ничего реитаннаго (да проститъ мнѣ читатель этотъ своеобразный нашъ терминъ), а между тѣмъ жена его язычница и дѣти не крещены.

Отъ него узнали адресъ Акилы Сакаи (встрѣченнаго мною на вокзалѣ). Живетъ онъ за городомъ, въ особомъ поселкѣ, образованномъ пѣзъ желѣзнодорожныхъ строеній. Дома его

не застали, насъ приняла его жена, еще молодая женищина, прекрасно знавшая нашу женскую школу и вѣхъ имѣвшихъ къ ней отношеніе. Въ свое время Акила служилъ въ Тоокео и долго жилъ недалеко отъ Суругада. Тогда и жена его была оглашена, но роды помѣшали крещенію, а потомъ вышло распоряженіе о переводѣ Акилы сюда. Такъ жена и осталась не крещеной. Не крещены также и четверо дѣтей. Съ основаніемъ здѣсь церкви, Богъ дастъ, это можно будетъ исправить.

Вечеромъ въ семь часовъ въ домѣ Тита Ямада назначено было первое въ этомъ городѣ христіанское собраніе и Богослуженіе, кстаті на завтра было и воскресенье. Пришли всѣ мужчины (Хасимото, Іоаннъ Кудоо и Акила), жена Хасимото, какъ я и предполагалъ не пришла (имъ впрочемъ и трудно было оставить пустымъ свой незапертый домъ). Послѣ семи съ половиной пришелъ съ поѣзда и самъ Титъ, чловѣкъ лѣтъ сорока или около, рѣшительный на видъ, съ быстрыми манерами и рѣчью. Поздоровавшись съ нимъ, мы, не теряя времени, приступили къ молитвѣ. Я служилъ; Титъ пѣлъ, да такъ хорошо, что я искренно удивился. Онъ называется, прежде жилъ въ Саппоро, гдѣ и крещенъ, тамъ онъ былъ ги-юу (церковнымъ старшиной) и, приставъ къ катихизатору, выучился пѣть и постоянно принималъ участіе въ церковномъ хорѣ. Теперь ежегодно, забравъ ребятишекъ, они съ женой на Рождество и на Пасху отправляются въ Саппоро, чтобы помолиться въ церкви. Уже это одно можетъ свидѣтельствовать о христіанскомъ усердіи этой семьи. Іоаннъ Кудоо, вспоминая свои школьные годы, неправнo подавалъ кадило, даже и руку цѣловалъ при этомъ,—обычай, который знаютъ христіане, только очень привыкшіе къ церкви. Служба шла безъ чтенія, съ однимъ пѣніемъ, какъ на Пасху, но это происходило просто по тому, что кромѣ нотной тетради и служебника у насъ съ собою ничего не было. Потомъ я, не снимая облаченія, обратился къ предстоящимъ съ небольшимъ поученіемъ. Поздравить ихъ съ началомъ церковнаго Богослуженія въ Мороранъ и убѣждалъ твердо держать здѣсь церковь, потому что отъ нихъ самихъ зависитъ будущій успѣхъ нашей вѣры здѣсь. Апостоль, положенный на завтра, какъ нельзя болѣе, подходилъ къ нашему случаю. „Бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ,

будьте мужественны“. Ничего болѣе подходящаго нельзя было сказать этой маленькой, чуть-чуть занимающейся церкви, члены которой до сихъ поръ полусонно влачили свое христіанское существованіе вдаль отъ своихъ единовѣрцевъ и церкви, которымъ и теперь нужно было всячески беречь себя отъ искушеній и быть солью міра въ этомъ новомъ мѣстѣ.

Послѣ службы и проповѣди мы, по обыкновенію, усѣлись въ тѣсный кружокъ около хибацц, потягивали тепловатый японскій чай изъ маленькихъ чашечекъ, японцы то и дѣло выколачивали и снова набивали свои игрушечныя трубочки, и шла бесѣда. Говорили, конечно, о катихизаторѣ, о будущей его дѣятельности, о слушателяхъ. Съ общаго совѣта, рѣшили на первое время отдѣльнаго дома для церкви не нанимать, пусть катихизаторъ, пріѣзжая сюда, живетъ въ домѣ Ямада. Будетъ пріѣзжать онъ ежемѣсячно и жить дней по десяти, а при надобности и больше. Слушатели и теперь уже есть: прежде всего семейство Акилы, можетъ быть, также Іоанна Кудоо,—хорошенько нужно разбудить жену Хасимото, одного этого достаточно, чтобы занять все свободное время катихизатора. Если будетъ успѣхъ, тогда можно поднять рѣчь и объ особомъ церковномъ домѣ. Я заказалъ христіанамъ непремѣнно поддерживать между собою самое близкое общеніе, собираться, хотя бы и въ отсутствіе катихизатора, на молитву каждый воскресный день, завести у себя симбокуквай, посѣщать другъ друга и пр. Дай Богъ, чтобы все это такъ и исполнилось. — Бесѣда наша прошла часовъ до 11, потомъ я пошелъ ночевать въ свою гостинницу.

### Словоохотливый Іаковъ.

4 сент.—23 август. Въ 8 часовъ утра, пожелавъ нашей новой церкви преуспѣянія, мы выѣхали опять въ Ивамизава (часовъ шесть ѣзды). Въ Ивамизава мѣняемъ поѣздъ и направляемся по главной вѣтви на востокъ вглубь острова,—въ мѣста еще болѣе нетронутыя, чѣмъ тѣ, по которымъ путешествовали до сихъ поръ. Минуть черезъ 20 ѣзды отъ Ивамизава, пріѣзжаемъ на станцію Миненѳу, гдѣ насъ ожидали встрѣчныя изъ деревни Нумакай (она тянется

вдоль дороги верстъ на двадцать, если не болѣе, въ ней даже двѣ желѣзнодорожныя станціи). Эта деревня находится въ вѣдѣніи тоже Поликарпа Псін, катихизатора Пцикиспри, который и поджидалъ насъ на станціи съ двумя здѣшними христіанами: Іаковомъ и Лукой, художникомъ.

Въ Нумакай только и есть два дома христіанскихъ. Домъ Іакова Кодзукури уже давно принялъ крещеніе и постоянно находился въ связи съ церковію; старшій сынъ и теперь состоитъ катихизаторомъ, въ Вақканай, да и самъ Іаковъ, безъ умолку что—нибудь говорящій, не мало распространяетъ знаніе о Христѣ. Въ семьѣ ихъ—пять человѣкъ: Іаковъ, его жена, и потомъ дочь съ мужемъ и ребенкомъ. Зять несетъ военную службу, и теперь находился въ Саппоро на сборѣ. Другой домъ (четыре человѣка) не такъ давно присоединенъ изъ методизма, при чемъ одни перекрещены, а другіе только миропомазаны. Такъ дѣлается потому, что нѣкоторые сомнѣваются въ методистскомъ крещеніи: совершается оно тамъ чрезъ окропленіе, при томъ иногда надъ цѣлою толпою, нельзя быть даже увѣреннымъ попала ли на каждыяго хоть капелька воды. Кромѣ того, и ученіе ихъ о крещеніи такъ далеко отъ христіанскаго, что собственно говоря, въ немъ трудно признать таинство

Христіане привели съ собою на станцію и носильщика для нашего багажа, и мы по полотну желѣзной дороги пошли въ домъ Кодзукури. Тамъ въ передней комнатѣ, гдѣ висѣли иконы, торжественно стоялъ столъ, покрытый краснымъ байковымъ одѣяломъ, и четыре стула,—нарочно все это было занято въ правленіи ради нашего пріѣзда. Мы, стало быть, сидѣли уже не на полу, поджавъ ноги, а, какъ настоящіе европейцы, роскошествовали на стулѣ и за столомъ. Іаковъ, гдѣ-то потерявшій одинъ глазъ, все время суетился, рассказывалъ про свою жизнь, про свое знакомство съ епископомъ и пр. и пр., закидывалъ насъ вопросами сразу о всемъ. Замѣчательно быстрый и предприимчивый на все человѣкъ. Теперь онъ занимается земледѣліемъ, но, по происхожденію онъ самурай, а послѣ былъ портнымъ европейскаго платья, содержалъ кухмистерскую, при чемъ самъ и стряпалъ. Когда стали устраиваться военныя поселенія, Іаковъ не могъ не попробовать своихъ силъ и на земледѣліи. Конечно, на первыхъ порахъ выходило не такъ удачно, но смѣлость города беретъ.

Посидѣвъ съ семьей Кодзукурн, мы пошли къ Лукѣ, домъ ихъ находился на сосѣднемъ участкѣ. Лука живетъ съ матерью и сестрой, есть еще младшій братъ, но онъ находится на военномъ сборѣ въ Саппоро. Мать—совершенно глухая старушка, очень почтенная на видѣ; сестра—еще не замужня молодая дѣвица, воспитывавшаяся въ протестантской школѣ. Этотъ домъ тоже бывшіе самураи, теперь пробующіе свои силы на земледѣліи. Вся комната увѣшана картинами, писанными масляными красками самимъ Лукой, и писанными, на мой по крайней мѣрѣ взглядъ, очень хорошо. Лука обучался живописи въ Тоокійской художественной школѣ или Академіи, а теперь собирается ѣхать для дальнѣйшаго усовершенствованія въ Европу, въ Парижъ. Нѣкоторые меценаты уже обѣщали ему свою матеріальную поддержку. Я пробовалъ было говорить и со старушкой, но ничего не выходило, нужна была особая споровка, чтобы она что-нибудь разслышала. Я рассказывалъ про Иерусалимъ, про Палестину, гдѣ мнѣ пришлось бывать. А Лука все интересовался знать, есть ли православіе въ Европѣ и въ Америкѣ, въ частности, въ Парижѣ. Я ему сказалъ о нашей русской церкви въ Парижѣ и посоветовалъ предъ отъѣздомъ туда взять изъ миссіи удостовѣреніе. Русскаго языка онъ, конечно, не знаетъ, но по французски можетъ объясниться съ нашимъ парижскимъ священникомъ и исповѣдаться. Отправляющіеся въ Америку берутъ такіа удостовѣренія и, по словамъ живущимъ тамъ русскихъ, дѣйствительно, приходятъ въ нашу церковь, напр., въ Санъ-Франциско.

Іаковъ показалъ все свое кулинарное искусство на ужинѣ, который мы ѣли, тоже сидя на стульяхъ и за столомъ. Въ восемь часовъ отслужили вечерню, опять безъ чтенія и по той же причинѣ. Пѣлъ съ грѣхомъ пополамъ нашъ не особенно музыкальный сенсей (катихизаторъ) и дочь Іакова, подтягивала немного и сестра Луки, научившаяся пѣть, въ протестантской школѣ. Самъ Лука, по словамъ отца Николая, тоже можетъ пѣть, но его кто-то задержалъ, онъ не могъ придти. Старушка—мать припелась въ наше собраніе, смиренно сидѣла у стѣнки, крестилась и молилась только еѣ одной извѣстной молитвой. Послѣ службы я, по обыкновению, говорю небольшое поученіе о храненіи вѣры, о по-

стоянномъ бодрствованіи, о молитвѣ и пр. Потомъ опять бесѣдовали, разсѣвшись по полу, (столъ, чтобы не мѣшала въ тѣсной комнаткѣ, убрали). Богослуженіе здѣсь совершается болѣе или менѣе регулярно по воскреснымъ днямъ, т. е. оба эти дома сходятся вмѣстѣ и читаютъ, что у нихъ есть. Метрики особой не имѣютъ, принадлежатъ къ церкви Ицикисири. Лѣтомъ, впрочемъ, во время горячей рабочей поры, собраній не бываетъ. Ну, что же дѣлать, хотя бы въ другое время хорошенько собиравшись.

Проговорили мы съ неустающимъ Іаковомъ очень долго, старушка наконецъ собралась домой спать, да и усталая женщины думали о томъ же. Принявши на сонъ грядущій благословеніе, всѣ начали прощаться, а потомъ готовить постели и для насъ. Въ самой почетной и самой маленькой комнаткѣ постлали постель для меня съ зеленымъ пологомъ отъ здѣшнихъ ужасныхъ комаровъ. Въ сосѣдней комнатѣ расположились отецъ Николай съ катихизаторомъ и самимъ Іаковомъ, подъ однимъ общимъ пологомъ во всю комнату. Бѣднымъ женщинамъ съ ребенкомъ пришлось спать въ кухнѣ на свободномъ воздухѣ и на голыхъ доскахъ, а ночью было далеко не жарко. Домъ наполнился спящими, не спали только какіе-то незримые обитатели, которые и мнѣ съ непривычки спать не давали,—прыгали и грубо, подеревенски кусались.

*5 сент. — 24 август.* Всталъ я очень рано, раздвинулъ бумажныя ширмы на поле, откуда понесся пріятный свѣжій вѣтерокъ и гдѣ солнце такъ привѣтливо играло своими утренними лучами. Сълѣ писать дневникъ, стараясь не разбудить остальныхъ. Но въ кухнѣ тоже не спали, можетъ быть, встали еще раньше меня... Скоро вся прелесть утра была самымъ непріятнымъ образомъ нарушена: на кухнѣ затопили, и ѣдкій густой дымъ столбомъ повалилъ во весь домъ и безжалостно рѣзалъ глаза. Вспомнилъ я нашу стародавнюю лучину и черныя избы. Вотъ, должно быть, было мученіе!

Позавтракали опять стряпней Іакова. Нужно было торопиться на вокзалъ, на станцію Бибай (другая станція въ этой деревнѣ). Іаковъ отыскалъ маленькую лошаденку и повозку, какія обыкновенно употребляются въ японской деревнѣ для хозяйства, т. е. довольно неглубокій четырехъ—

угольный ящикъ на двухъ большихъ колесахъ. Мы положили туда свой багажъ, сняли обувь и усѣлись въ четверомъ въ оставшееся свободное пространство въ ящикѣ, стараясь плотно уложиться, чтобы потомъ не трепаться, когда будетъ прыгать наша колесница. Иаковъ, никогда лошади не имѣвшій, сѣлъ править, и мы тронули. Доѣхали до небольшой канавы (границы земли Иакова), надѣли обувь, вылезли, перебрались чрезъ канаву, снова сняли обувь, снова набили собою пустое пространство въ ящикѣ и поѣхали уже окончательно. Подвигались, конечно, гораздо быстрее, чѣмъ пѣшкомъ, хотя и приходилось на всѣхъ особенно грязныхъ мѣстахъ, и непременно среди лужи, поспѣшно надѣвать сапоги и прыгать вонъ, пока колеса не увязли. Ѣхать нужно было верстъ шесть, но за треть до конца пути наша колесница погрязла совсѣмъ, и мы, чтобы не опоздать, предательски оставивъ Иакова выгребать одного, побѣжали на станцію. Къ счастью, поѣздъ не сдѣлалъ на этотъ разъ перключенія, пришелъ четвертью часа позже, и мы, и даже Иаковъ съ колесницей благополучно прибыли до его прихода.

*Архимандритъ Сергій.*

---